

Главы из романа о Пушкине

Р. Г. Назиров

Глава VI. Цесаревич и Польша

У императора Александра не было детей, и наследником русского престола был великий князь Константин Павлович, второй сын Павла I.

Своей безобразной, грубо вылепленной физиономией, своей бешеной вспыльчивостью и капризами цесаревич Константин Павлович напоминал отца, при имени которого бледнели самые мужественные люди. К тому же цесаревич пытался подражать Суворову, под начальством которого в молодости проделал итальянский поход, в его двусмысленном шутовстве.

Под Аустерлицем цесаревич командовал гвардией, ничего путного из этого не вышло. Он был храбр только в манеже.

В начале царствования Александра I темная история потрясла Петербург. Одна красивая иностранка, мадам Араужо, была срочно вызвана к знакомой — придворной повивальной бабушке Моренгейм, жившей в мраморном дворце /резиденции Константина Павловича/. Как мадам Араужо попала на половину цесаревича, осталось неясным. Через три часа её привезли, истекающую кровью: два гайдука вынесли её из кареты, экипаж умчался. Мадам Араужо успела сказать: «Я обесчещена» — и умерла.

Поднялся скандал с дипломатическими осложнениями. Правительство публичным объявлением пригласило всякого, имеющего точные сведения «о образе смерти» госпожи Араужо, довести о том до сведения властей. Был арестован один из адъютантов цесаревича Константина Павловича. На этом все кончилось.

Под окнами императрицы Елисаветы Алексеевны нашли труп молодого полковника-кавалергада. Государыня была красива, её супруг был холоден к ней. Разнесся слух, что убитый был любовником государыни и что его зарезал цесаревич Константин Павлович.

В 1812 году он постоянно имел столь резкие столкновения с Барклаем де Толли, что главнокомандующий отослал цесаревича из армии. После сдачи Москвы Константин Павлович вместе с вдовствующей императрицей Марией Феодоровной оказывал давление на государя, отчаянно требуя заключения мира с Наполеоном.

В конце наполеоновских войн Александр I поставил брата во главе новообразованной польской армии. В Вене на конгрессе государя окружили поляки, его друг Адам Чарторижский, Огинский, великий герой

Костюшко; они напомнили царю его давние симпатии к польской свободе, обольстили миражем славы и исторгли у него обещание восстановить Польшу. В результате венских трактатов возникло Царство Польское, корону которого принял Александр I. В «конгрессовом» королевстве было самоуправление, государственные акты совершались на польском языке, гербом был белый орел. Однако на деле конгрессовой Польшей управлял главнокомандующий её армией цесаревич Константин Павлович и полномочный делегат императора Александра — Новосильцев, «злой гений» Польши. Этот человек ненавидел поляков.

Цесаревич их любил, но полякам от этого было не легче.

Он усердно строил польскую армию, сократил до 6 лет воинскую повинность, выписал из России пушки, снабдил варшавские арсеналы ружьями нового образца. Он также придумал для поляков новые мундиры и ввел высокие султаны; к его армии цесаревич был одержим парадоманией — наследственной болезнью Романовых. Николай Тургенев назвал его «фельдфебель по натуре».

И впрямь фельдфебель, даром что ученик знаменитого Жомини. Он замучил польскую армию мелочным деспотизмом. Во время одного парада на Саксонском плацу в Варшаве произошла стычка между цесаревичем, жестоко муштровавшим солдат, и генералом Юзефом Хлопицким. После парада генерал, в прошлом любимец Наполеона, герой Сомосьерры, громко заявил:

— Не на Саксонском плацу сникал я славу и не на нем собираюсь ее терять.

Он намекал на то, что великий князь, собственно говоря, сражений не любил. Эти слова дошли до Бельведера. Когда на другом параде, в очень жаркий день, Хлопицкий расстегнул мундир. Цесаревич с ревом набросился на него:

— Нарушение субординации! Личное оскорбление мне, главнокомандующему! Под арест!

Хлопицкий тотчас отправился домой и отослал шпагу в Бельведер. На другой день цесаревич прислал ее обратно со своим адъютантом. Но Хлопицкий сказался больным, а когда цесаревич послал к нему медика — не принял его.

— Передайте его высочеству, что у меня есть свой лекарь и что слово генерала значит более, чем врачебное свидетельство.

Он подал прошение об отставке. Из Бельведера стали прибывать посланцы: сперва друг и *famulus* цесаревича, хитрый грек генерал Курута, но Хлопицкий не впустил его в дом; потом прибыл наместник Царства Польского, генерал Зайончек. Это был старый боевой товарищ Хлопицкого, участник египетского похода Наполеона; в 1812 году русское ядро перебило Зайончеку обе ноги, он был взят в плен русскими. Такого посланца Хлопицкий, конечно, принял, но извинений великого князя не принял и решения своего об отставке не изменил. Под окнами его

варшавяне устроили овацию, восхищаясь твердостью наполеоновского ветерана.

На одном смотре цесаревич, разгневанный ошибкой, приказал двум офицерам взять ружья и промаршировать три круга в рядах солдат. Остальные офицеры полка отказались служить с наказанными, почитая их разжалованными в солдаты. Возникла «история». Пять офицеров покончили с собой. Великий князь просил прощения у офицеров полка и к сему добавил, что готов любому лично дать удовлетворение: это «разрешение на вызов» было знаком уважения, но вместе с тем и явно показным жестом. Ответом было гробовое молчание офицеров. Дуэль с братом царя? А что их ожидало в случае победы?

Вскоре после этого группа офицеров, явившись по обязанности к праздничному столу цесаревича, демонстративно не пила его здоровье.

Он постоянно вмешивался в гражданское управление Польши и плевать хотел на все законы. Когда в одной варшавской газете разобрали его любимую актрису мадмуазель Филлис, великий князь послал жандармов разорить типографию; по вздорному поводу он посадил на гауптвахту бургомистра Варшавы; мещанина, обвиненного в укрывательстве вора, велел без суда его наказывать палками.

Весною 1818 года на первый сейм конгрессовой Польши приехал император Александр, он же польский король.

В своей тронной речи 15 марта 1818 года он заявил сейму:

— Организация, действовавшая прежде в вашей стране, сделала возможным непосредственное установление организации, каковую я дал вам, применив на практике принципы тех либеральных учреждений, которые не переставали быть предметом моих устремлений и благотворное влияние которых я надеюсь с помощью божией распространить на все земли, вверенные Провидением моему попечению. Таким образом вы предоставили мне средства показать моему отечеству то, что я давно для него готовлю и что оно получит, как скоро элементы столь важного дела достигнут необходимого развития. . .

Перевод этой речи, взволновавшей русское общество, с французского языка на русский был поручен князю Вяземскому, питомцу Карамзина и другу Пушкина по «Арзамасу». Служа в администрации Царства Польского, князь Вяземский близко сошелся с польскими вольнолюбивыми мечтателями. Слово «либеральные» ему пришлось перевести выражением «законно-свободные», ибо в русском языке «либералист» было словом бранным.

В Варшаве государь дал великолепный бал. В списке приглашенных увидел себя и Юзеф Хлопицкий. Государь явно искал с ним встречи, а увидев, отвел в сторону:

— Что ж, генерал, неужто вы откажете мне в своих услугах, в своей шпаге, буде у меня явится нужда в них?

— Никогда!-ответил генерал.-Коль скоро отечествои Ваше королев-

ское величество будет нуждаться в моей шпаге, она всегда в их распоряжении. Но сейчас у нас мир — значит она не нужна.

Впрочем, он готов был вернуться на службу ценой своего производства в генерал-адъютанты: тогда бы он подчинялся лично государю. Но Александр 1 отнюдь не расположен был вознаграждать Хлопицкого за ссору с цесаревичем, и генерал получил, наконец, отставку с правом ношения мундира.

После сейма 1818 года государь секретно поручил Новосильцеву составить проект конституции для России; под руководством Новосильцева этим занялся французский юрист Дешан / с участием Петра Вяземского /.

Бешеные капризы великого князя, раздражавшие поляков, заставили императора морщиться: Константин весь в ботинки! Государь сам был не слишком доволен поляками и вскоре после речи 15 марта нашелся вынужденным прекратить публичность и гласность дебатов сейма и ограничить свободу тиснения, которою поляки не успели воспользоваться.

— Domine, salvum fac imperatorem et regem! — провозглашали ксендзы в костелах. — Боже, храни императора и короля!

Статный «император и король» милостиво улыбался своему польскому народу, но в глубине души испытывал досаду и разочарование. Поляки слишком многого ожидали от него!

Кроме того, государя очень тревожила личная жизнь цесаревича.

Жена брата, великая княгиня Анна Феодоровна (из дома Саксен-Кобургов), покинула Россию в 1801 году и не проявляла охоты возвращаться. Цесаревич весьма неразборчиво вознаграждал себя за отсутствие супруги. Особенно длительной была его связь с красивой актрисой Фридрихс, которая в 1808 году подарила ему сына, крещенного Павлом / по дедушке /.

Госпожа Фридрихс сопровождала цесаревича в походе 1813–1814 годов, а с переселением его в Варшаву и сама там обосновалась. Их сын, Павел Константинович Александров, рос при цесаревиче.

Но уже в 1815 году на балу у старого Зайончека цесаревич встретил девушку замечательной красоты — графиню Жаннету Грудзинскую. Он страстно влюбился в нее и постоянно оказывал ей самые ясные знаки особого внимания, но панна Жаннета, не отталкивая его, держалась с безукоризненной скромностью. Великий князь увидел, что к ней одна дорога — по свадебному ковру.

Константин Павлович стал добиваться от матери и брата согласия на развод с великой княгиней Анной Феодоровной. Скандал его не тревожил: быть русским царем Константин и не собирался. Он слишком хорошо запомнил 11 марта 1801 года.

О разводе он заговорил давно — еще в ту пору, когда влюбился в княжну Четвертинскую, сестру известной Марьи Антоновны Нарышкиной,

которая лишила государыню Елисавету Алексеевну внимания ее венценосного супруга и тем снискала своемусупругу. Дмитрию Нарышкину, пожалование обширных поместий в Тамбовской губернии. Но тогда в семье не захотели и слушать цесаревича. Теперь же Константин Павлович увидел колебания Марии Феодоровны и государя императора.

Наконец, императрица-мать изъявила свое согласие, но с условием, чтобы цесаревич вторым браком женился на одной из немецких принцесс.

Он ответил на это сочинением непристойной песни на тему брака с немецкой принцессой. Ему нужна была панна Грудзинская.

Константин Павлович решил твердо настоять на своем.

У этого кровавого шутника и «чудодея» была сильная воля — только всегда не хватало цели. Посредством своего черного юмора он выражал недовольство судьбой, сделавшей его наследником российского престола.

Однажды он спросил одного из своих любимцев — графа Миниха:

— Как ты думаешь, что бы я сделал, лишь вступил бы на престол?

— Знаю, ваше императорское величество: объявили бы войну Пруссии и отняли бы у нее Познань и Гнезно.

— Нет, не то.

— Так верно, постановили бы закон о разводе?

— Нет, не то.

Наконец, он схватил своего адъютанта за плечи, выкатил свои серые глаза из-за нависших / серых же / бровей и сказал:

— Все не то: повесил бы одного человека!

— Кого?

— Графа Николая Салтыкова — за то, что он воспитал нас такими болванами!

По случаю праздника в Павловске, 6 июня 1816 года, императрица Мария Федоровна поручила Нелединскому-Мелецкому написать стихи, но старый поэт, не надеясь на свои стихи, поехал в лицей, передал это поручение Пушкину, которому дал и главную мысль, а через час или два уехал из лицея уже со стихами. . . Из донесения Энгельгарта министру на другой день праздника видно, что стихи, написанные Пушкиным по поручению Нелединского-Мелецкого и Карамзина, пелись во время ужина, и за них Пушкин получил от государыни золотые часы с цепочкою.

Принц Оранский (позже голл. король) женился на сестре царя Александра I. Принц участвовал в битве при Ватерлоо, под начальством Веллингтона, и был ранен. Пушкин воспел все это в традиционном бравурно-классическом стиле. Позже он стыдился этой безделки, при жизни не публ.

Петербургские театралы

I.

В эпоху, когда закончились наполеоновские войны, Петербург имел три казенных труппы: французскую, немецкую и русскую.

Русская труппа давала прежде представления в большом русском театре, который был сооружен Тишбейном при Екатерине и перестроен Томоном. Однако в самую новогоднюю ночь с 1810 на 1811 год Большой театр сгорел. Полностью его восстановили только в 1818 году. Французы играли в Малом театре, построенном на Невском проспекте в 1801 году, а немецкая труппа в Кушелевском театре на Дворцовой площади: театральный подъезд приходился против главных ворот Зимнего дворца.

В 1819 году немецкая труппа закрывается, а на месте Кушелевского театра России начнет возводить здание Главного Штаба, но покамест немцы разыграют свои жалостные мелодраммы и грубоватые «люстшпили» по соседству с царем всея Руси, а в ложах матроны в чепцах, солидные «хаусфрауэн» Васильевского острова, вяжут чулки, лишь изредка прерывая работу ради знаменитого монолога.

Из русских актеров особенно славится Алексей Яковлев и Екатерина Семенова.

Прославленный трагик Яковлев некогда был приказчиком в Гостином дворе, в лавке своего отца; вместо того, чтобы завывать покупателей, он целыми днями декламировал монологи из трагедий. На счастье в лавку однажды забрел некий театрал, послушал молодого сидельца, да и отвел его к Дмитриевскому. Старый актер взялся учить Яковлева, и скоро талантливый самородок дебютировал на императорской сцене. Он привел публику в неописуемый восторг, играя Дмитрия Донского в одноименной трагедии Озерова; он был вулканическим Карлом Мором а « Разбойниках» Шиллера; даже в мещанских драмах Августа Коцебу ему удавалось потрясать сердца. Но увы-силы и здоровье Яковлева точат национальный русский порог. Долгие годы он не может вырваться из плена у зеленого змия, борется с ним, бросает пить и запивает вновь.

Яковлев — партнер Семеновой. Это великая трагическая актриса — происхождение и вовсе простого: мать ее была крепостная девушка, отец — учитель кадетского корпуса Жданов. Он однако отдал дочку в театральное училище — и угадал! Выросла девушка античной красоты, с профилем греческой Камеи, с каштановыми волосами и синими глазами, которые кажутся еще синее от предлинных ресниц. Небольшой ее рост возмещается нивесть откуда взявшимся благородством осанки и прямо-таки царственным величием. И с каким же грозным вдохновением эта незаконнорожденная играет королев! Героини Расина и Вольтера, шиллеровская Мария Стюарт, страдалицы из драм Коцебу: коронной ролью Екатерины Семеновны была Антигона из трагедии Озерова «Эдип в Афинах»: эту роль она сыграла сорок раз! Когда на французском теат-

ре играла знаменитая мадмуазель Жорж, весь театральный Петербург разделился на «жоржистов» и «семеновцев». Говорили, что Семенова многому научилась у мадмуазель Жорж: так или иначе, она «переиграла» француженку. Валберхова. Не выдержав соперничества с Семеновой, ушла со сцены в расцвете таланта в 1812 году, а через три года вернулась, чтобы играть только в комедиях, где величаво-вдохновенный гений Семеновой, оставил ей снисходительное успокоение.

Но кроме императорских театров есть еще частные, да какие! Есть и масса любительских спектаклей, ими увлекается большой свет — играла же в Трианоне королева-мученица несчастная Мария-Антуанетта, во дни веселия и славы. Театр и музыка составляет неотъемлемую часть хорошего воспитания.

Быть культурным человеком, *un homme distingue* — значит быть атралом.

Жизнь двора насквозь театральна.

Взять к примеру хотя бы знаменитый карусель 1816 года, данный в Павловске по случаю приезда в Россию принца Оранского, нареченного жениха великой княжны Анны Павловны.

Каруселем в эту эпоху называют уже не потешный турнир, не конное ристание или копейный бой, а просто военно-театральное действо под открытым небом.

Императрицы Мария Федоровна, августейшая хозяйка Павловска, явилась главною распорядительницею каруселя 1816 года.

Балетмейстеры Дидло и Огюст сочинили разнохарактерные танцы и пляски и устраивали группы. Драматическая, оперная и балетная труппы, хористы и воспитанники театрального училища заранее отправились в Павловск целым караваном казенных карет, линейек и фургонов. Местом каруселя избран Розовый павильон.

Перед ним на огромном пространстве представлен праздник победителей в недавней войне: живописные группы изображают военных разных наций, вдали виднеются лагерные палатки, знамена и разноцветные флаги, а последняя декорация, рисованная знаменитым Гонзагою, представляет Альпы и швейцарские домики. Костюмированные актеры перемешаны с победоносной гвардией, незадолго до этого воротившейся в Россию.

6 июня 1816 года, в 8 часов вечера начался праздник. Живую картину красиво озаряет заходящее солнце. Над балконом Розового павильона сделан нарядный шатер, под коим находится император Александр Павлович со своей семьей, принц Оранский, посланники и высшие сановники. Дивертисмент называется «Праздник в стане союзных армий при Монмартре» — музыку к нему написал Кавос. В дивертисменте поют знаменитая Сандунова (меццо-сопрано) и Нимфодора Семенова, сестра великой трагической актрисы. У Нимфодоры лирическое сопрано, но в основном она блистает красотой. Сандунова и Семенова поют в ди-

вертисменте русские песни, а Василий Михайлович Самойлов, корифей оперы, — куплеты сочиненные на этот торжественный случай: он сильно робеет и путает слова. Но общий блеск и размах каруселя покрывают мелкие ошибки, почти неизбежные в таких делах. Блистательная публика Розового павильона следит в свои телескопы за каждым кадром. Смеркается — по всему саду зажигают иллюминацию; в нескольких местах устроены транспаранты с вензелями императора Александра и принца Оранского.

В «стане союзных армий» запылали костры, по аллеям расставлены военные оркестры и полковые песенники. Император с высоконазванным женихом и невестой и со всею августейшею фамилиею катаются на линейках по саду, встречаемые шумными виватами. Ночь тепла, гвардейцы пируют у костров, мешая «камаринского мужика» с песенками Беранже. Веселье продолжается до восхода солнца.

II.

Первый балет, поставленный Карлом Дидло после возвращения из Парижа, был «Ацис и Галатея» на музыку капельмейстера Антолини. Ставили его на Малом театре — Большой еще не был отстроен после пожара. Дидло готовил «Ациса и Галатею» с обычным своим рвением, и толстая палка его не раз прогуливалась по икрам и спинам фигуранток и тансеров.

В то время в Малый на репетиции и спектакли постоянно сбитенщик, обычный бородач с огромной баклагой и кулем булок. Чай тогда еще не успел вытеснить сбитня из русского быта, сбитень пили все. Это сладкое и пряное питье, сваренное из меда с корицей, имбирем, кардамоном, мускатным орехом и прочими зельями, особенно хорошо было зимой; знатные дамы и господа в антрактах выходили на театр выпить горячего сбитню. Вот в Малый театр и повадился ходить сбитенщик — его пропускали. В тогдашних балетах всегда было занято множество мальчишек и девчонок из театрального училища, они и составляли постоянную клиентуру сбитенщика.

Во время одной из репетиций «Ациса и галатеи» вместо прежнего за кулисами появился новый сбитенщик — громадного роста, с черной бородой, в шапке, нахлобученной на брови.

Впрочем в пыльной полутьме, царившей за кулисами, разглядеть его лицо было мудрено. С его появлением началась обычная кутерьма:

— Девицы, сбитенщик пришел!

— Девицы, ой, умру, пяточка не хватает!

Кто накидывал драный плащ на тюник, кто клянчилу приятелей гривенник, но когда приступили к сбитию, открылось неслыханное чудо: сбитенщик потчевал всех бесплатно!

И в баклаге его был не сбитень, а горячий шоколад, а кулек вместо сухарей и булок был наполнен конфетами, бриошками и бисквитами!

По всем уборным помчались гонцы, и тотчас сбитенщика облепила лакомая толпа театральных воспитанниц, которые пили шоколад, ели конфеты, хохотали и облизывали пальцы.

— Ай, девицы, он шалый!

— Дядя, тебя мамка с печки не роняла?

Глаза у этих рано умудренных девчонок так и горели: в воздухе пахло интригой. Инспектор училища, старик Рахманов (в прошлом прекрасный комический актер), услышал о «шалом» сбитенщике и тотчас смекнул, в чем дело. Пыхтя и отдуваясь, он поспешил к месту происшествия. Но едва его тучная фигура показалась в коридоре, как веселая компания с визгом кинулась врассыпную. Сбитенщик бросил свою баклагу, стаканы, пустой кулек и сажеными шагами выбежал из театра. Он вскочил в ожидавшие его дрожки и был таков.

Через неделю весь Петербург рассказывал, как поручик лейб-гвардии уланского полка Якубович переделся сбитенщиком, обманул артистов театра и передал любовную записку своей пассии — воспитаннице Дюмон. Он был известный кутила и бреттер. Гвардия в ту пору еще пользовалась большими вольностями, а уланы были самыми отчаянными озорниками в гвардии, а Якубович — первейший из них. Этот театрал то и дело наезжал из Стрельны в Петербург, его любовь к музам выражалась в дерзких проказах, за которые он почти не сходил с гауптвахты.

Карл Дидло не зря старался: «Ацис и Галатея» был подготовлен в срок. Его дали 30 августа 1816 года — в день тезоименитства государя императора.

Ациса представляла Марья Новицкая, первая танцовщица того времени, а в роли Галатеи дебютировала семнадцатилетняя Авдотья Истомина. У нее были черные волосы, огненные глаза, и самые придирчивые лорноты не сумели отыскать изъяна в ее сложении. Ее Галатея была мечтательной и нежной, и сам Дидло сказал ей после премьеры свое драгоценное «к а р а ш о». Истомина скоро вошла в моду.

III.

В 1816 году гусарский поручик Александр Грибоедов вышел в отставку и поселился в Петербурге, где зачислился в Государственную Коллегию иностранных дел. Туда же в 1817 году угодил свежеиспеченный коллежский секретарь Пушкин.

Компанию они водили разную. Друзьями Грибоедова оказались серьезные люди: Кюхельбекер, Греч, Шаховской и Катенин. Отставной гусар поразил столицу блистательной образованностью и желчным остроумием. Рассказывали о мрачной любовной драме, об измене любимой девушки (еще в Москве), об оргиях Грибоедова в литовской глуши:

он служил адъютантом Кологривова, который во время войны командовал войсками резерва. Грибоедов был знаменит тем, что въехал на бал верхом на коне; однако он не позволял напоминать ему об этом.

Строгие воззрения на искусство привели его к архаистам из Беседы любителей русского слова, которая недавно распалась из-за смерти Державина, дававшего ей и приют, и свой авторитет. Старые архаисты во главе с Шишковым сделали своим бастионом Российскую Академию, молодые же сплотились вокруг Катенина. Тех и других отличала упорная вражда к карамзинизму.

А Сапу Пушкину чуть не на руках внесли в «Арзамас», озорной клуб карамзинистов, где занимались они поеданием гусей и осмеянием Беседы. У всех арзамасцев были прозвища из баллад Жуковского: князя Вяземского называли Асмодеем, Дашкова — Чу, Пушкина очень удачно окрестили Сверчком, а генерала Орлова (Михаила) прозвали Рейном.

Эпизодом этой литературной борьбы явилась в 1817 году комедия «Студент», написанная Грибоедовым и князем Шаховским. В ней осмеивалась чувствительность и манерность карамзинистов, мелкота их писаний и мечтательный романтизм Жуковского. В ней были блестящие подлинного комизма, но в целом «Студент» написан тяжело.

В том же 1817 году мир театра был повергнут в траур смертью Яковлева. Последнее время он пил мертвую чашу, и никто не сумел остановить его. . . В сущности, этого несчастья ожидали. Быть может, поэтому гораздо сильнее Петербург был поражен другою смертью 1817 года — смертью не актера, а театрала. Эта злополучная история произошла из-за красавицы Авдотьи Истоминой.

Счастливым обожателем балерины был кавалегард Василий Шереметев, тративший на ее содержание крупные суммы. В то же время в числе ее поклонников выделялся сын екатерининского фаворита, камер-юнкер граф Александр Завадовский.

Граф жил на одной квартире с Грибоедовым: они были ровесники, и молодой дипломат принимал участие в сердечных делах приятеля. Грибоедов часто встречал Истому на «чердаке» князя Шаховского, но сам никогда не принадлежал к числу ее поклонников. Его вообще считали в свете мизогиним (женоненавистником).

В ноябре 1817 года Авдотья Истомина как-то поссорилась с Шереметевым, и Грибоедов тотчас пригласил ее к себе — выпить чаю после спектакля. Она согласилась, но, боясь ревности Шереметева, предложила Грибоедову подождать ее с санями у Гостиного двора, к которому она подъедет в казенной театральной карете.

Все исполнилось по ее плану. Из кареты она пересела в сани к Грибоедову и поехала пить чай. Однако Шереметев следил за ними до самой квартиры.

Друг Шереметева лейб-улан Александр Якубович, теперь уже штаб-ротмистр, посоветовал вызвать Грибоедова, а сам взялся вызвать Зава-

довского. Две картели одновременно явились к виновникам чаепития.

Грибоедов предложил ревнивцу поменяться местами: пусть Шереметев стреляется с Завадовским, а он, Грибоедов, — с Якубовичем. На том и порешили.

Условия были приняты необычайно жестокие: расстояние — восемнадцать шагов и сходиться до шести. Местом двойной дуэли избрали Волкова поле, в секунданты пригласили доктора Иона гусара Каверина (друга Пушкина).

Дуэль состоялась 12 ноября 1817 года. Первыми стрелялись соперники — Шереметев и Завадовский, оба отличные стрелки.

Шереметев выстрелил, не дав врагу дойти до барьера: пуля оторвала край воротника на сюртуке Завадовского.

— А! Так он хотел убить меня!-крикнул граф. — К барьеру!

Бледный доктор Ион стал уговаривать его пощадить жизнь Шереметева. Завадовский уступил — он объявил, что не собирается убивать противника, а лишь легко ранит его, чтобы оставить отметину на память.

Тогда Шереметев, забыв все дуэльные приличия, в бешенстве крикнул:

— Вы должны убить меня, не то рано или поздно я убью вас!

Завадовский вскинул пистолет и, почти не целясь, выстрелил в корпус противника. Шереметев не сдержал стога.

Он повалился. Зажав обеими руками прострелянный живот. Секунданты подбежали к нему.

Он корчился от боли. Розовая пена закипала на его губах. В глазах вместо бешенства появилось тупое изумление.

— Вот тебе, Вася, и репка! — сказал Каверин, не раз выдавший такое выражение лица и глаз на полях сражений.

Истекающего кровью Шереметева понесли к саням. Доктор Ион успел только пролепетать:

— Рана скверная.

Якубович подошел к Грибоедову.

— Прошу прощения, — отрывисто сказал он, — не согласитесь ли вы отсрочить наш дуэль до более благоприятного времени?

— Согласен, — мрачно ответил Грибоедов.

Они обменялись безукоризненно-холодными поклонами. Якубович прыгнул в сани на место кучера и ударил по лошадям.

Страшная тоска овладела Грибоедовым, когда после трехдневных мучений Шереметев умер.

Пуля Завадовского пробила ему живот и засела в левом боку. Врачи не могли спасти его.

Грибоедов беспрестанно видел перед собой Шереметева — как он извивается на снегу, зажимая живот. Виновен ли он был в этой смерти? В сущности, виноваты были все.

Эта история наделала много шума. Завадовский навсегда утратил придворную карьеру. Якубович был сослан на Кавказ. Грибоедова спустя полгода назначили секретарем русского посольства в Персию — отправили в почетную ссылку.

Истомина вступила в зенит своей славы.

IV.

«Чердак» князя Шаховского, а летом его петергофская дача в Емельяновке, недалеко от взморья, служили центром петербургского театрального мира. Бескорыстный энтузиаст, член Российской академии, шепелявый учитель декламации, он умел с необычайной ясностью донести до малообразованных русских актеров мысль драматурга и ревностно вколачивал в них правильную интонацию и безупречную дикцию. Изпод его ферулы вышло немало талантов: под его руководством делали первые шаги на сцене и Семенова, и Валберхова, и юный Вася Каратыгин. Актеров князь учил вечерами, а с утра запирался в своем рабочем кабинете и писал одну за другой свои бесчисленные комедии, драмы, водевили — самый плодовитый писатель тех лет.

Главными фигурами классического кружка, собиравшегося у Шаховского, были штабс-капитан Преображенного полка Павел Александрович Катенин, отставной гусар Грибоедов и его друг Андрей Жандр. Они держались далеко не одних мнений с князем Шаховским, мыслили масштабнее, искали большого стиля на русской национальной основе. Катенин в особенности отличался смелой новизной идей. Такие люди хладнокровно относятся к любым авторитетам. То было единственно живое ответвление в бозе почившей Беседы любителей русского слова.

Противоположным полюсом литературы был «Арзамас», созданный Блудовым, Дацковым, Батюшковым, Вяземским и Василием Львовичем Пушкиным. Серьезность тут считалась признаком классического, т.е. дурного тона, а потому ее изгнали с заседаний «Арзамаса». Председатель надевал красный колпак — сувенир Якобинского клуба, а бесменный секретарь Василий Жуковский, носивший почетное прозвище «Светлана» по лучшей своей балладе, оставлял на этих заседаниях свою возвышенную меланхолию и заморскую чертовщину, чтобы писать комические протоколы в прозе и стихах, исполненные шуток и пародий в адрес архаистов, Российской академии и ее президента адмирала Шишкова. Впрочем, озорство «Арзамаса», простиралось и на подлинную поэзию, коль скоро она принадлежала перу из чужого стана. Сам Державин и его славная «Ода на смерть князя Мещерского» не избежали пародирования в одном из протоколов, выдержки из которых ниже следуют:

Его превосходительством мною прочитан был протокол прошедшего заседания, краткий, но отличавшийся тем необыкновенным остроумием, которым одарила меня благосклонная судьба, и члены, глядя на меня

с умилением, радовались, что я им товарищ; а я не гордился нимало, напротив, с свойственной мне скромностью принимал их похвалы за одни выражения дружбы и удостаивал друзей моих снисходительной и весьма для них улыбкой. Его превосходительство я же был введен с церемонией в храмину заседания. . . Меня ввели, и все лица просияли. . . Я произнес клятву, потом сел или паче вдвинул в гостеприимные объятия стула ту часть моего тела, которая особенно нужна для сидения и которая в виде головы торчит на плечах халдеев Беседы. Потом отверзлись уста мои, и начал я хвалить одного беседного покойника. Члены отдали справедливость моему красноречию смехом и шумными плесками. А почтенный президент Чу весьма удачно похвалил мои различные достоинства в краткой речи, в которой не забыл упомянуть и о моем друге месяце, за что я ему вечно останусь благодарен. . . Все это было заключено ужином. Гуся не было, и каждый член, погруженный в меланхолию, шептал про себя:

Где гусь? — Он там! — Где там? — Не знаю.

В это Телемское аббатство карамзинизма и романтики Пушкин был принят еще в бытность его лицеистом. Здесь его знали наперед, его предвкушали. И он не обманул надежд «Арзамаса»!

Венец желаниям! Итак, я вижу вас,

О други смелых муз, о дивный Арзамас!

Он не льстил и не притворялся: ведь за этими шутниками была историческая правда — новый поэтический язык. Но из всех арзамасцев ни один не был способен использовать этот язык для создания крупных форм. Потому-то они возлагали такие надежды на Пушкина, писавшего еще с Лицея, как они знали, поэму в совершенно новом роде.

Но они не знали еще необыкновенной переимчивости Пушкина и его инстинктивного отвращения ко всякой школе и закону. За его дерзкими комплиментами Карамзину и Жуковскому скрывалась абсолютная независимость.

Он хотел быть везде и увидеть своими глазами все. Он любил балы и танцы, был своим на блестящих вечерах у графини Лаваль, а в конце 1817 года очень часто посещал изысканный салон княгини Голицыной на Большой Миллионной. Очаровательная и целомудренная красота этой дамы, жившей в обоюдной-согласной сепарации от мужа, произвели на Пушкина сильное впечатление. По крайней мере, сам Карамзин счел нужным написать Вяземскому 24 декабря 1817 года:

«Поэт Пушкин у нас в доме смертельно влюбился в Пифию Голицыну и теперь уже проводит у нее вечера: лжет от любви, сердится от любви, только еще не пишет от любви. Признаюсь, что я не влюбился бы в Пифию: от ее трезубца пышет не огнем, а холодом.»

Голицыну в свете прозвали *la Princesse Nocturne*, потому что ее вечера затягивались до четырех часов ночи. Пушкину до безумия нравился ее поэтический лепет, несмотря на крайний монархизм и религиозную экзальтацию. Красивая женщина в его понимании имела право на любые глупости!

Но была у него еще одна страсть — любовь к театру. И эта страсть рано или поздно должна была неминуемо привести его на «чердак» князя Шаховского. Года не минуло после выхода Пушкина из Лицея, а он уже начал изменять «Арзамасу» с Катениным и Грибоедовым. Шаховской с похвалой отзывался о даровании Пушкина, Грибоедов, Катенин и Жандр снисходительно ласкали талантливую мальчишку, предвидя в нем ценного перебежчика. На «чердаке» Шаховского вечно было множество молодых актрис, здесь составлялась театральная политика и решались сценические карьеры. Это было дьявольски интересно!

И к тому же эти серьезные люди тоже умели шутить. . .

V.

Пушкины жили в Коломне, у Калинина моста, в доме Клокачева; они вечно нуждались. По выходе из Лицея Саша Пушкин очень скоро возненавидел Коллегию иностранных дел, куда был определен, и стал рваться в гусары, к своим друзьям — Каверину, Чаадаеву и прочим. Но Сергей Львович Пушкин отказал сыну наотрез: жизнь гусарского офицера требовала больших расходов. Он соглашался на поступление Александра только в один из пехотных полков гвардии.

— Благодарю покорно!-в бешенстве сказал Александр и начал вести жизнь гусара без мундира.

У Пушкиных в парадных комнатах, освещаемых канделябрами, стояли богатые старинные мебели; зато в других — одни голые стены, даже стульев не было, и вечерами зажигались копеечные сальные свечки. Некормленные клячи Пушкиных шатались, таща их дедовский выезд. Большая дворня была одета в рванье, всегда хмельна и драчлива. Детям своим Пушкины почти не давали денег на мелкие расходы и ели кое-как.

Денежная зависимость о отца доводила Пушкина до разлития желчи. Вошли в моду большие башмаки с пряжками, Александр умолял отца купить ему такие. Сергей Львович в ответ отыскал и торжественно преподнес сыну свои башмаки — времен Павла I. Разразилась кошмарная сцена. Саша бесновался, сравнивая отца с Гарпагоном. Сергей Львович, весь багровый, кричал:

— *Taisez-vous, o fils ingrate!* Они еще совсем целые!